

О. А. Карнаухова

**ОБРАЗ РЕКИ В РОМАНЕ А. ИВАНОВА «ЗОЛОТО БУНТА,
ИЛИ ВНИЗ ПО РЕКЕ ТЕСНИН»:
ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Рассматривается образ реки Чусовой, который в художественном мире А. Иванова напрямую связан с идеей пространства и пути. Чусовая становится не просто местом действия романа, но полноценным персонажем произведения.

This article considers the image of the river Chusovaya, which is directly connected to the idea of space and road in A. Ivanov's fictional world. The Chusovaya is not only a place but also a character of the novel.

Ключевые слова: А. Иванов, лингвостилистика, река, топоним, номинация, пространство, архетип.

Key words: lingvostylistics, river, toponym, nomination, space, archetype.

Значение реки в формировании географической среды и пространства общеизвестно. Л. И. Мечников справедливо отмечал, что «река — синтез всех физико-географических условий данной местности» [4, с. 10]. Если говорить о литературе, то во многих произведениях река является образом, который не только фиксирует географическую привязку описываемых событий, но и становится символом места, где происходит, а вернее, протекает жизнь героев.

В романе Алексея Иванова «Золото бунта, или Вниз по реке теснин» создан этнокультурный образ реки Чусовой — главной транспортной артерии Урала. Чусовая в заглавии романа названа рекой теснин. Поэтическая дескриптивная номинация *река теснин* употребляется и в тексте романа: «Все равно кто-нибудь да убьется, чего уж тут спорить-то. Чусовая — река теснин» [2, с. 320].

Между номинациями *Чусовая* и *река теснин* существуют отношения оригинала и перевода: по наиболее убедительной из версий происхождения топонима Чусовая, корневая морфема *чус* восходит к древней общепермской лексеме, означающей *овраг, ущелье, каньон*. Эта версия поддерживается Ивановым: «Чусовая в средней, наиболее выразительной своей части протекает в теснинах между утесами-бойцами, поэтому подобное название весьма оправданное» [1, с. 125].

Номинации, связанные с описанием Чусовой, неизменно подчеркивают ее дикий, буйный характер: *перебор* (69 словоупотреблений) — ‘участок реки с камнями и сильным течением’; *стрезень* (25) — ‘наиболее быстрая часть течения’; *перекат* (17) — ‘поперечные отмели на месте быстрого течения’; *быстроток* (12) — ‘большая скорость течения’; *водооборот* (7) — ‘место вихревого движения воды’; *стремнина* (6) — ‘место бурного течения в реке’; *суводь* (3) — ‘пучина, водоворот’; *накат* (3) — ‘бурное движение прибоя’; *пучина* (3) — ‘водная бездна’; *противоток* (2) — ‘обратное течение’: «От Рубца отслаивался коварный противоток, который вдруг с шипением разворачивался назад, разметав брызги дугой, и бился в скалу, словно каялся, как грешник, ударивший лбом в половицу» [2, с. 631]; «Чусовая совсем освободилась ото льдин: оголилась темная, беспокойная стремнина с пенными серпами завертей» [2, с. 485]; «И вдруг она [барка] отвесно пошла вниз, в кипение, и еще успела грузно поворотиться вокруг себя, словно с натугой всверливалась в пучину» [2, с. 584].

В художественном пространстве романа Чусовая существует как в горизонтальном, так и в вертикальном измерении. Причем сакрально отмеченными являются пространственные речные образы, эксплицирующие переход от горизонтального к вертикальному измерению: *толица стремнины, текущая гора воды, урчащая гора воды, водяная толица, водяной бугор, блестящий бугор*. Так река, подобно окружающим ее горным массивам, осуществляет связь Неба и Земли. Именно поэтому Иванов часто сопровождает описание Чусовой описанием неба: «Мутный, неохотный рассвет дымил, как сырой костер, клубами выдувал дальние горы и низкие тучи над глубокой рывтиной реки» [2, с. 419]. Между рекой и небом существует невидимая связь, которая непосредственно выражает представление о глубине и вечности: «И с вершины вся Чусовая раскрылась перед ним, как огромные ворота. Она раскрылась внизу в обе стороны и словно понесла Осташу над собой... к

дальним сизым горам под высоким осенним небом, уже не синим и не голубым, а бесцветным, прозрачным и неясным» [2, с. 221].

Чусовая предстает и как рубеж реального и потустороннего, сакрального и бесовского. В романе возникает мотив переправы через реку смерти без обратного пути, без возврата к нормальной жизни: «А бывает, что и остаются там люди насовсем, пропадают. Или же возвратятся — да лучше бы там оставались. Звери зверьем явятся или ума решатся...» [2, с. 606]. «Оборотная река» ведет в потусторонний мир: «И кто проплывет той рекой — многое о своей жизни узнает тайного... Иные сплавщики черту душу отдавали, чтобы проплыть по оборотной Чусовой. Потому как для сплавщика на той оборотной стороне только те скалы стоят, на которых он в жизни своей барки убивать будет» [2, с. 607].

Река является многозначным древним мифологическим символом. Прежде всего она символизирует мировой поток явлений, течение жизни, а также уходящее время. Особое символическое значение приобретают образы «река жизни» и «река смерти».

В романе «Золото бунта, или Вниз по реке теснин» реализовано несколько мифопоэтических смыслов символа «река». Во-первых, река «принадлежит» древнейшему архетипическому концепту «вода», т.е. *то, что рождает жизнь*. Во-вторых, река — символ нравственного очищения: «Осташа, не отрываясь, глядел на Чусовую. <...> Сдержанное, еще не проявленное величие этого мгновения уже смыло с души все припарки, все коросты и словно оголило зияющую, трепещущую, чуткую рану» [2, с. 494]. С другой стороны, Чусовая приобретает в романе смертоносный характер: «Чусовая немало живого народу повенчала с холодной смертью» [2, с. 598].

Нередко Чусовая выступает в образе книги, причем Главной книги: «Книга Чусовой была давно прочитана Осташей, заучена наизусть, а все равно всегда оставалась новой, понимаемой заново, как притчи из Священного Писания» [2, с. 501]. Постмодернистский мотив *жизнь как текст* реализуется соотносимыми между собой символическими значениями *река-жизнь* и *река-книга*: «И в его памяти Чусовая разом распахнулась, как книга. Крутая излучина под Кликуном, что торчит из леса на склоне берега; облезлая громада Разбойника; приметная сосна, похожая на суксунский светец...» [2, с. 466].

Чусовая в романе предстает как живое существо и становится обладательницей тела животного — она имеет *голову, горло, брюхо, бок*: «Осташе показалось, что здесь на острых камнях Чусовая пропоролла себе брюхо и мученически выгнулась, распотрошенная, вывалила дрожащие кровавые кишки» [2, с. 600]; «Самое широкое и грозное лезвие вонзилось прямо в бок Чусовой» [2, с. 509].

Чусовая способна перевоплощаться: так, она предстает перед нами то кошкой («Чусовая кошкой уже ласкалась о ноги Оленьего бойца — самого, наверное, красивого на реке» [2, с. 550]), то собакой («Чусовая вертелась, как ошпаренная собака» [2, с. 545]; «Немало барок заглотила собачья пасть этого противотока» [2, с. 28]).

В описании Чусовой неизменно доминирует женское начало. Автор наделяет реку женскими чертами и атрибутами — длинными волоса-

ми, женской одеждой, кружевами: «Великан обнял Чусовую широко разнесенными лапищами, и Чусовая, вывернувшись из объятий, в страхе летела прочь, распластав платок и платье» [2, с. 582]; «Излучина Чусовой впереди была разрисована белыми кружевами» [2, с. 516]. Река сравнивается «с бабой», «с девицей»: «Чусовая нежным, бабьим изгибом уходила за поворот» [2, с. 125]. Тропеическое описание Чусовой эротически окрашено: «Отпрянув от бойца, Чусовая, как девица под молодцем, сладко выгибалась излучиной Журавлиное Горло» [2, с. 543]. «Под Винокуренным Чусовая изгибалась петлей. Она терлась о бойца, как падкая на сладенькое баба будто ненароком задевает хмельного мужика оттопыренным задом» [2, с. 506]. Причем «эротические черты», как отмечает А. С. Подлесных, «на протяжении всего романа укрупняются, теперь героиня проявляет открытую сексуальную агрессию» [5, с. 86]: «Казалось, что реке так хотелось взбеситься, что уж и подходящего бойца искать она не стала: будто гулящую бабу так сблудить потянуло, что некогда было и мужика получше подобрать, сойдет и этот — кривой да горбатый. Взревев Стерляжьим перебором, словно в долгожданном блядском неистовстве, ошалевшая, взбодрившаяся стремнина, урча и встряхивая пенными косами, покатила под занозистым склоном Дуниной горы» [2, с. 595].

Чусовой удалось стать возлюбленной Осташи. Это подтверждают мудрые слова Нежданы: «Никого, кроме Чусовой, ты уже не полюбишь. А мужем будешь моим» [2, с. 239]. Река предстает у Иванова настоящей невестой героя: «А Чусовая затихла и пронзительно заголубела — так тонко и остро, нежно и бесстыдно, что Осташе захотелось отвести взгляд, будто он случайно увидел красивую девку, купавшуюся нагишом» [2, с. 532]. Он каждый раз испытывает сильнейшие чувства при встрече с ней: «А сейчас Чусовая приближалась, и на ее притяжение, как на притяжение камня-магнита, отзывалось то, из чего душа и была откована» [2, с. 220].

Чусовая определяет судьбу героя. Так, Осташа размышляет: «Не пугала неволя — и без того все в крепости. Пугало отлучение. Отлучи его самого от Чусовой, отними у него весенний вал, барки, рев бойцов над рекою...» [2, с. 47]. Для него река — это жизнь: «Пока есть деньги и оброк не висит над головой, нужно успеть повернуть свою жизнь в русло Чусовой» [2, с. 91]. Так в романе через мотив реки воплощаются архетипические смыслы жизни и судьбы: «Ошибайся, как хочешь, и греши, как можешь, — но все это мелкая рябь, а не крутая волна, если жизнь твоя застойный пруд, а не свободная река...» [2, с. 645].

В романе через призму реки, сплава описываются эмоции, природные явления, черты внешности человека. Так, ярость сравнивается с половодьем («Ярость затопила страх, как половодье — приплесок» [2, с. 188]), жара — с баркой («Солнце палило, будто жара нынешним летом застряла на Чусовой, точно барка на отмели» [2, с. 119]). Ход в подземелье напоминает герою приток («По правую руку он увидел другой ход, словно приток» [2, с. 311]), гора обладает цветовыми признаками воды («Смотрел на облака над далекой горой Сабик, синей и прозрачной, как вода» [2, с. 95]). Уподобляются реке волосы красавицы Бойте: «Глядел на влажные полураскрытые губы, на темные густые ресницы,

на чистый висок, с которого на скулу стекала светлая речка волос...» [2, с. 441].

Иванов также использует образы, косвенно связанные с рекой. Так, душа в восприятии Осташи сравнивается с мокрой рыбой: «Если ему, Осташе, больно, значит, он не ургалан, есть в нем душа. Он пронес ее сквозь все вогульские искушения, как мокрую, скользкую рыбу в ладонях» [2, с. 576]. Движение по лесу представляется плаванием: «Осташа плялился так, что резало глаза, — и не видел! Сплошное таежное море-океан. Вот и плыви по нему на удачу, по чутью, без божьей подсказки: насколько праведной была твоя вера, настолько верно тебя проведет судьба» [2, с. 206]. Возвращаясь к главному архетипическому смыслу концепта «река», отметим, что в последнем примере лексема «море-океан» наряду с языковыми единицами *плыви, проведет* реализует архаическую метафору *течение жизни*.

Таким образом, река в романе Иванова не только является полноправным персонажем, но и выполняет структурообразующую функцию, поскольку по линии реки Чусовой развивается и определяется судьба главного героя.

Список литературы

1. Иванов А. В. Message: Чусовая. СПб., 2007.
2. Иванов А. В. Золото бунта, или Вниз по реке теснин. М., 2007.
3. Иванов А. В. Вниз по реке теснин: в 3 т. Т. 1: Чусовая: Очерк истории и природы. Пермь, 2004.
4. Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1995.
5. Подлесных А. С. Геопоэтика Алексея Иванова в контексте прозы об Урале: дис. ...канд. филол. наук. Пермь, 2008.

Об авторе

Ольга Александровна Карнаухова — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, e-mail: olenenok1185@rambler.ru

About author

Olga A. Karnaukhova, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, e-mail: olenenok1185@rambler.ru